

РАССКАЗЫ  
ПИСАТЕЛЕЙ АЗИИ

# ДЯДЯ АУН — ЛЖЕЦ

МИНТУВУН

**Р**ЕБЯТА из школы Ашей — попрошайки, ребята из школы Лейбо — храбрецы», — с увлечением распевали маленькие пострелы, воспитанники монастырской школы Лейбо, с шумом и гамом несясь по улице. Маун Чит едва поспевал за ними. Расстегнутая рубашка развевалась, лоунджи<sup>1</sup> было закинута на плечи.

Маун Чит не сразу заметил, что друзья его столпились под навесом резчика по слоновой кости У Аун Чжа. Снедаемый любопытством, он подбежал узнать, в чем дело.

У Аун Чжа вырезал из куска нежно-белого слоновой бивня статуэтку принцессы. Он только начал работу, и очертания будущей фигурки едва намечались, однако в рождавшемся на глазах облик уже угадывалась удивительная красота.

Вскоре мальчики разошлись, но Маун Чит опустился на землю и не отрываясь наблюдал за работой мастера.

— Дядя Аун, для кого вы делаете эту статуэтку? — задумчиво спросил он.

Дядя Аун, осторожно положив деревянный молоток и долото, закурил гаруту<sup>2</sup> и спросил в ответ:

— Ты хотел бы получить ее? Я отдам тебе эту статуэтку за один джа, согласен?

— А сколько это, один джа? — почесав в затылке, поинтересовался мальчик. Мастер любил детей и был очень терпелив. Он положил гаруту и показал на пальцах:

— Шесть раз по десять пъя и еще четыре пъя...

— Неужели статуэтка будет моей, если я заплачу шестьдесят четыре пъя? Не обманите меня!

Минтувун (настоящее имя — У Вун) — современный бирманский писатель, родился в 1909 году в городе Кунгангоун, округа Нантавади. Начал писать стихи с 13 лет. Автор множества рассказов, статей, очерков, сказок. Один из самых популярных поэтов и прозаиков в Бирме. На русский язык переведены его стихи для детей.

Минтувун — крупный ученый, профессор Рангунского университета, читает лекции по бирманской литературе и языку.

<sup>1</sup> Лоунджи — мужская национальная одежда, род юбки.

<sup>2</sup> Гарута — бирманская сигара.

ня потом, дядя Аун! — воскликнул мальчик и, закружившись волчком, помчался домой.

С этого дня Маун Чит не истратил ни одного пъя из тех, что мать давала ему на сладости. Он хранил их за подкладкой курточки, провертев в ней дыру, а сам довольствовался бананом, который получал в школе от монаха У Ххема.

С каждым днем статуэтка из слоновой кости становилась все прекраснее. Нежная улыбка принцессы не давала покоя Маун Читу даже во сне. Желание его получить статуэтку в свою собственность росло и росло.

Работа над статуэткой подходила уже к концу, а денег было пока мало.

Мечтая приобрести к своему кладу несколько лишних пъя, мальчик думал: хорошо бы, чтоб и в праздничные дни в школе были занятия. Он постоянно ломал голову над тем, как бы раздобыть еще денег.

Это были трудные времена войны, и грифельные карандаши были большой редкостью. Маун Чит копил обломки грифелей старшего брата и по ночам при тусклом свете керосиновой лампы сам изготовлял карандаши, орудия спицей от старого зонтика. Продав эти карандаши, Маун Чит заработал целых шесть пъя!

С тоской вспоминал мальчик о том, что его приятель Пхо Тей до сих пор не вернул ему долг в один пъя.

Когда собралась солидная сумма — двенадцать пъя, незаметно хранить деньги под подкладкой оказалось невозможно, и Маун Чит соорудил тайник в молодом побеге бамбука. Туда же он переложил с прежнего места под циновкой и монету с изображением павлина, которую получил в подарок к Новому году от тетушки Ньёу. За эту монету Маун Тхвей предлагал ему два пъя. Отверстие в стебле Маун Чит надежно замаскировал. И еще много дней, загибая свои маленькие пальчики, он перебирал, когда и как заработать каждая монета: эта сэкономлена в тот день, когда в качестве приправы к рису он довольствовался горохом, а эту ему дал дядя Тху, когда потерял свою корову, а Маун Чит помог найти ее... Бессонными ночами придумывал он другой тайник для хранения своих сбережений, боясь, что бамбук — не слишком надежное место.

В свободное время Маун Чит украшал пальмовыми листьями шкатулку, где намеревался хранить свое сокровище, когда приобретет его.

Вид и запах горячего рассыпчатого риса в красной корзине торговки тетушки Кха У вызывал у мальчика обильную слюну, но он мужественно боролся с соблазном.

В один прекрасный день все его приятели купили мраморные шарики и занялись увлекательной игрой. Ах как заманчиво было бы присоединиться к ним! Но Маун Чит катал старый обруч от бочки вокруг монастыря и сберег еще один пъя.

И вот наступил день, когда нужные шестьдесят четыре пъя были собраны. Прозвенел последний звонок, и сердце Маун Чита радостно заби-

лось. Едва высидев заключительную молитву монаха, он вскочил и быстрее ветра помчался к мастеру.

Вбежав под навес к дяде Ауну, Маун Чит остановился. Незнакомый человек в синих брюках важно восседал на нарах, держа в руках статуэтку.

— Ну как, мастер? Я предлагаю немалую цену. Здесь нет дома, который был бы достоин иметь такую вещь. Да и вряд ли найдется человек, который сможет тебе заплатить за нее, — услышал Маун Чит слова незнакомца.

— Верно, сударь. Для господина заместителя губернатора я бы и даром ее отдал. Но только мне хотелось бы, чтобы вы подождали дня четыре — надо еще отполировать фигурку. Как только закончу работу, я принесу ее вам, — ответил мастер.

Маун Чит показалось, будто в груди у него что-то оборвалось. Первым порывом его было схватить статуэтку и убежать прочь. Но как он мог это сделать, если статуэтка предназначалась для заместителя губернатора!

Прошло две недели. У дома, где жил Маун Чит, собралось несколько пожилых женщин, и головы у них были покрыты шальями. Среди них был и один мужчина. Все молча вошли в дом. Простоволосая женщина бросилась к мужчине и, обняв его ноги, громко зарыдала: «О, Ко Аун<sup>3</sup>, может быть, ты объяснишь нам, что произошло с нашим мальчиком? О, Маун Чит, почему ты ушел от нас?»

У Аун Чжа обратился к отцу мальчика, неподвижно сидевшему у безжизненного тела сына: «Что произошло в твоём доме, Ко По Нгвей? Я пробыл в городе десять дней и ничего не слышал. Как только я вернулся, я тотчас поспешил к вам».

Вытирая слезы краем лоунджи, У По Нгвей рассказал:

— Мой дорогой Ко Аун Чжа, я не знаю, что за страсть была у нашего бедного мальчика. Все время он был печален и о чем-то тосковал. Он не ел рис и кэрри. Когда мать подносила к его рту ложку с супом, он отталкивал ее. Люди говорили нам, что его околдовали, и мы пригласили знахарку, но лучше мальчику не стало. Видно было, что кто-то нанес ему жестокую обиду, но на все наши расспросы он не отвечал. Вчера вечером он позвал мать и попросил ее отдать накопленные им деньги его наставнику монаху. Сразу после этого он спросил о вас, Ко Аун Чжа. Узнав, что вы уехали в город, он помолчал немного и еле слышно прошептал: «Дядя Аун — лжец». Это были его последние слова.

У Аун Чжа все понял. Лицо его помрачнело. ...На южной окраине деревенского кладбища, там, где растет кофейное дерево, есть одинокая могила, обложенная кирпичом и мраморными плитками. Некоторые называют ее «могилой Любви», другие «могилой Маун Чита».

Расспросив своего деда, я узнал, украшал могилу мастер У Аун Чжа. Окончив свой труд, он ушел в монастырь и там скончался три года назад.

*Перевела с бирманского  
А. Дьяконова*

<sup>3</sup> В бирманском языке Маун, Ко, У и Сая означают примерно одно и то же — господин. Но Маун — обращение к молодому человеку, Ко (старший брат) — дружеское обращение, У (дядя) — вежливое обращение к старшему или незнакомому лицу, а Сая называют учителей и других ученых людей.

## КАК СОЛНЦЕ

Р. К. НАРАЙАН

Индия



ПРАВДА, — размышлял Секхар, — как солнце. Вероятно, нет человека, который мог бы взглянуть ей прямо в лицо, чтобы не сморщиться или не раскрыть рот от изумления. Все отношения между собой люди строят на относительной правде, чтобы не ошеломлять друг друга».

Сегодняшний день Секхар решил считать особенным. «В самом деле, — убеждал он себя, — должны же мы хоть раз в году говорить и выслушивать абсолютную правду, чего бы это ни стоило. Иначе жизнь теряет весь смысл».

Грядущий день казался ему обещающим. О своем намерении он никому не сказал. Это было его внутреннее решение, тайный договор между ним и вечностью.

Первое же испытание нагрянуло утром во время завтрака, когда жена подала некое лакомство, которое, по ее мнению, было вершиной ее кулинарных способностей. И она еще спрашивает: «Разве не вкусно?». В другое время Секхар, снисходя к стараниям жены, уклонился бы: «Сыт, спасибо!». Но сегодня он сказал: «Со всем не вкусно. Я просто не могу проглотить ни кусочка». Он заметил, как она сморщилась... Ничего не подделаешь! Правда — как солнце.

Другое испытание ждало его в школе, в учительской. Кто-то из коллег подошел к нему и сообщил:

— Вы слышали, умер Аянгар. Как жаль!

— Ничуть не жаль, — возразил Секхар.

— Он был такой хороший человек... — продолжал коллега.

— Далеко ему было до хорошего человека, — не унимался Секхар. — Он всегда поражал меня своей серостью, эгоизмом, лицемерием.

В конце рабочего дня, когда Секхар вел урок географии в третьем «А», он получил записку от директора: «Пожалуйста, загляните ко мне, прежде чем уйти домой».

Секхар подумал про себя: «Должно быть, это насчет тех ужасных контрольных работ». Сотня сочинений, написанных рахитичными буквами-загогулинами... Он уклонялся от их проверки неделями, тянул, мучительно ощущая, что над его головой висит меч...

Раздался звонок, мальчики выбежали из класса. Секхар задержался на некоторое время перед дверью директорской, чтобы застегнуть пид-